

С. Т. Разина «русским людям и черемисе», говорится: «И черемисе к своим речам велеть приложить знамяна, и те их речи за их черемискими знамяны привести в Ядрин и подать в приказной избе...»⁴. В одном из документов сохранились даже рисунки «черемисских знамен» этого времени⁵.

Об употреблении знамен нерусскими поволжскими народами на бортовых деревьях свидетельствует письмо (купчая) о продаже бортового участка Кудаем Берди Кошме Сабу (1538—1539 гг.): «Се писма земляная лета 945-го году. Продал я, Кудай Берди, за нуждою своею два знамя своя Кошме Сабу. А взял я за оные знамены шесть батман меду да пятьдесят копеек денег, ...»⁶.

Таким образом, марийские «знамена» в XVII в. ставились на бортовых деревьях, они также выполняли функции подписей. Они ставились в делопроизводственных документах, челобитных, в которых вместе с фамилией и именем марийцев приводились изображения их «знамен».

«Знамена» нерусских народов давно привлекали внимание исследователей. В частности, «знамена» у хантов в XVII в. изучались Н. Оглоблиным⁷. Мордовским знаменам XVII в. посвящена статья Н. Харузина⁸. Внимание И. М. Покровского и Н. Ф. Катанова⁹ привлекли татарские знамена. Башкирским знаменам посвящена специальная на-

Знамя геремисина полевобинна
максимови сказе что мезь себе
помуриса стоварыщи и знамя свое
приложи

Знамя геремисина яшигунини уббас
скасаль что стоварыщи маановини
стоварыщи и полевобинно помуриса
иселли свои меть берехь зегоновъ по
статийся и знамя свое приложи

Знамя стоварыщ ляди

Знамя эвсина иблбннова

Рис. 2. Фрагменты архивных документов со «знаменами» марийцев (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 932, л. 383, 1645 г.)

⁴ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов», т. II, ч. 1, М., 1957, стр. 493.

⁵ Там же, стр. 465.

⁶ В. Д. Дмитриев, Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI—начала XVII века. «Ученые записки Чувашского НИИ», вып. XXII, Чебоксары, 1963, стр. 119 (знамя — здесь участок бортовых деревьев, обозначенный знаменем — тамгой. Батман меду по казанской мере равен 1,5 пуда, или около 24 кг).

⁷ Н. Оглоблин. Остяцкие знамена XVII века, «Исторический вестник. Историко-литературный журнал», октябрь, 1889, т. XXXVIII, стр. 135—145. В статье представлены изображения 83 знамен, принадлежавших хантам Березовского, Сургутского и Нарымского уездов; его же, Знамена сибирских инородцев XVII века, «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. XIII, вып. 1, Екатеринбург, 1891—1892, стр. 1—8. К статье приложено 105 рисунков знамен.

⁸ Н. Н. Харузин, «Знамена» у мордвы в XVI—XVII вв., «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями», под ред. Н. А. Янчука, М., 1900, стр. 62—72. Автор в статье привел в снимках 168 знамен мордвы Арзамасского, Алтырского, Нижегородского и Тамбовского уездов.

⁹ И. М. Покровский. Борничество (пчеловодство) как один из видов натурального хозяйства и промысла близ Казани в XVI—XVII вв., «Известия Общества археологии, истории и этнографии» (далее ИОАИЭ), т. XVII, вып. 1, Казань, 1901, стр. 67—73. Приложение — 45 тамг; Н. Ф. Катанов, Об одной выписи 1700 г., данной татарам Свяжского уезда, ИОАИЭ, т. XIV, вып. 3, Казань, 1897, стр. 361—362. Приложение — 51 тамга.

гах рассматривается также в работах С. И. Руденко¹², Б. О. Долгих¹³, С. В. Иванова и др.¹⁴. Ряд исследователей в знаменах-тамгах видели схематические изображения предметов окружающей действительности (Н. Оглоблин, Н. Харузин, Д. Н. Соколов и др.).

В. Ф. Каховский в недавно опубликованной статье на основе изучения чувашских знамен поставил вопрос о существовании письменности у чувашей в древности¹⁵. Он видит в числе чувашских знамен-тамг «наличие древнекитайских иероглифов», которое объясняет «генетическими связями предков чувашей с хуннами», что, на наш взгляд, очень сомнительно, ибо у финно-угорских народов, например, в XVII в. применялись такие же «знамена», что и у чувашей.

Исследованию своеобразных графических знаков-тамг бесписьменных в недавнем прошлом народов Сибири (родовых, племенных и культурных знаков хантов, манси, сибирских татар, ненцев, эвенков, бурятов, юкагиров и др.), из которых возникли простейшие формы письма, посвящена работа Ю. Б. Симченко¹⁶. В книге рассматривается более 10 000 тамг народов Сибири. Она снабжена большим количеством иллюстраций и таблиц с изображением тамг, представляющих интерес для историков, этнографов, лингвистов, археологов, искусствоведов. Как указывает Ю. Б. Симченко, первыми исследователями знамен-тамг нерусских народов были приказные люди. Русской администрации было необходимо иметь сведения о значении тамг в каждом конкретном случае (клятвенные, родовые, личные и пр.). Приказные люди, обычно ясачные сборщики, производили на месте подробный опрос населения относительно значения различных тамг. Выяснив значение знака, его расшифровывали на документе. При повторных дозорах и сысках, при сборе ясака и ряде других случаев приказные люди сверяли вновь поставленные ясачными людьми тамги и знаки, имеющиеся под старыми документами. Для удобства проверки подлинности тамг с них снимали копии и составляли специальные списки¹⁷. Ю. Б. Симченко справедливо отмечает, что тамги финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Южного Урала «исследованы крайне мало», хотя эти знаки сохранились в документальных материалах полнее и с более ранних времен, чем

ский строй орхоно-енисейских тюрков, VI—VIII вв., М.—Л., 1946, стр. 14, прим. 7; Д. К. Зеленин, Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов, М.—Л., 1936; Г. И. Карпов, Тамга (родовые знаки у туркмен), «Туркменоведение», 1929, № 8—9, стр. 29—35; его же. Родословные тамги у туркмен, «Изв. Туркменского филиала АН СССР», Ашхабад, 1945, № 3—4, стр. 43—49; А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-ал-гази, хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 53—54; Г. Н. Потанин, Очерки северо-западной Монголии, вып. II, СПб., 1881, табл. XXVI.

¹² С. И. Руденко, Графическое искусство остяков и вогулов, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929.

¹³ Б. О. Долгих, Тамги нганасанов и энцев, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXVII, 1957.

¹⁴ С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в., Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. XXII, М.—Л., 1954.

¹⁵ В. Ф. Каховский, Была ли письменность у чувашей в древности? «Ученые записки Чувашского НИИ», вып. XXI, 1962, стр. 201—225; его же, Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории Чебоксары, 1965. Автор книги видит в тамгах остатки древнечувашского письма.

¹⁶ Ю. Б. Симченко, Тамги народов Сибири XVII века, М., 1965 (Список литературы см. на стр. 222—226).

¹⁷ Там же, стр. 8. В качестве примера Ю. Б. Симченко указывает на существование «довольно подробного описания черемисских тамг», составленного в 50-х гг. XVII в. (ЦГАДА, Приказные дела старых лет, стлб. 43, л. 334).

тамги других времен и других родов России. Знаки народов Поволжья представляют исключительный интерес и являются важным историко-лингвистическим и этнографическим источником¹⁸.

* * *

Мариийские «знамена» до настоящего времени не только не изучены, но и не собраны. 86 мариийских тамг XIX в. имеется в книге Е. Т. Соловьева¹⁹ и 11 — в работе П. Ефименко²⁰. Одним из первых на мариийские тамги обратил внимание попечитель православной миссионерской школы для красноуфимских мариийцев А. А. Петров²¹. Он собрал знаки, встречавшиеся в XIX в. у мариийцев и заменявшие подписи неграмотных людей (например, в приговорах сельских и волостных сходов).

Несколько знамен XVII в., принадлежавших мариийцам Чемуршинской волости Кокшайского уезда, Кужмаринской волости Галицкой дороги Казанского уезда и Акпарсовой сотни Козьмодемьянского уезда, опубликовал В. Д. Дмитриев²². Одиннадцать знамен-рукоприкладств горных мариийцев приведены в «Актах юридических»²³. Пять знамен мариийцев Царевококшайского уезда, относящихся к 1670—1680 гг. XVII в., опубликовал Е. Малов²⁴. Этим исчерпывается количество мариийских знамен XVII в.; выявление же и сбор их, к сожалению, не проводились. Появившаяся в конце прошлого столетия в «Памятной книжке Пермской губернии» статья А. А. Петрова²⁵ остается до сих пор единственной специальной работой, посвященной изучению «знамен» мариийцев. Автор статьи отметил, что мариийские «знамена» не являются заимствованными у других народов, что они появились на определенной стадии общественного развития. А. А. Петров считал, что мариийские знамена вначале представляли собой родовой знак, но «с размножением рода, часто еще при жизни главы, выделившиеся члены семейства, сохраняя первичный тип знамени, стараются его разнообразить, отбрасывая (это случается реже) какую-либо часть знамени или прибавляя (это чаще) к нему лишнюю черту»²⁶. Он отметил что в начертаниях «знамен» преобладает прямая линия; круг, полукруг и кривая составляют лишь исключение и, по его мнению, относятся к позднему времени. В «знаменах» автор статьи совершенно справедливо видел изображения предметов домашней обстановки, окружающего мира. В числе 21 опубликованной им тамги одна относится к миру животных, остальные изображают предметы быта. К флоре ни одна тамга не имела отношения. Таковы вкратце наблюдения и выводы, к которым пришел А. А. Петров.

¹⁸ Ю. Б. Симченко, Указ. раб., стр. 12—13.

¹⁹ Е. Т. Соловьев, Знаки собственности в России. Историко-археологический очерк. С приложением 6720 знаков, Казань, 1885, табл. 15—16, 59—60, 66, 69.

²⁰ П. Ефименко, Юридические знаки, «Журн. Министерства народного просвещения», октябрь, 1874, ч. СХХV (175), стр. 53—83; ноябрь, 1874, стр. 145—170; декабрь, 1874, стр. 271—283. См. тр. 213, № 154—164 (11 «знамен» мариийцев Козьмодемьянского уезда, заимствованных из «Актов юридических или собрания форм старинного делопроизводства», СПб., 1838, № 202, II, стр. 213).

²¹ А. А. Петров, Знамена — кидтышто красноуфимских черемис, «Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894 год», Пермь, 1893, стр. 38—40.

²² В. Д. Дмитриев, К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии, «Ученые записки Чувашского НИИ», вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 211.

²³ «Акты юридические», СПб., 1838, № 202, II, стр. 213.

²⁴ Е. Малов, Мироносицкая пустынь Казанской епархии. История пустыни и современное ее состояние, Казань, 1896, стр. 105—107.

²⁵ А. А. Петров, Указ. раб., стр. 38—40.

²⁶ Там же, стр. 39.

Следует сказать, что эта статья рассматривает лишь поздние тамги, т. е. относящиеся к концу XIX в. Кроме того, эти тамги принадлежали марийцам, проживавшим за пределами Марийского края.

Марийские тамги (тисте) XIX в. привлекли внимание и других исследователей. И. Н. Смирнов писал о них: «К числу продуктов самостоятельного творчества черемис следует отнести зародыши фигурного письма, которыми являются знаки собственности или тамги (тисте). Мы скопировали во время путешествия знаки, изображающие посредством резов куриную ногу, ширкаму, молоток, вилы, серп, полозья, пчелу. В настоящее время эти знаки у грамотных выходят из употребления, заменяясь инициалами имени. Искусство ставить тамги и разбирать их относится, кажется, судя по языку, ко временам совместной жизни приволжских финнов»²⁷. В своей книге о материальной культуре марийцев XIX века Т. А. Крюкова сообщает, что «на бортовых деревьях (найденных или искусственно сделанных) владельцами ставились (вырубались) топором «тисте» — знаки собственности, так называемые «бортные» знаки. В более отдаленные времена эти знаки, вероятно, устанавливали родовые владения, являлись родовыми клеймами. Подтверждение тому, что «тисте» служили в прошлом родовыми знаками, мы находим к тексту молитвы марийцев: «Когда мы, вошедши в лес, идем к сделанным дедами и прадедами меткам...» Уничтожение знаков собственности бортовых знаков, их стесывание или замена считалось по обычному праву марийцев тяжелым преступлением и жестоко каралось»²⁸. Изучение знамен марийцев XVII в. затруднено тем, что тамги не расшифровывались писцом. Каждый знак имеет лишь подпись: «Знамя такого-то» (имярек), «Такой-то (имярек) с товарища знамя свое приложил», или перед изображением знамен обычно содержится указание, кому принадлежит данное знамя: «Знамя Камайково», «Знамя Ошвуйково» и т. д. Трудность установления значения знамен (т. е. определения значения изображаемых знаками предметов) в конце прошлого столетия отмечал и А. Петров²⁹. Знамена мордвы XVI—XVII вв. также не содержат объяснений³⁰. Н. Харузин встретил лишь два случая объяснения знаков: «Лапти, стремя, рубежи», «дуга да 4 глаза да два гужа». Он считал, что мордва в своих знаменах стремилась схематически и условно изобразить тот или иной предмет, но значение знаков в настоящее время не может быть установлено.

В архивных документах XVII—XVIII вв. содержится большое количество марийских знамен-рукоприкладств. Но, к сожалению, кроме изображения знамен и указания лиц, кому принадлежали эти знамена, документы не содержат объяснения их значений. Значение знамен, например хантов в XVII в., устанавливается по сопровождавшим их надписям. По Н. Оглоблину, знамена хантов имели следующие названия: «котел», «пешня», «долото», «топоры», «лодки», «весла», «крючки», «чекан», «лук», «острога», «журавлиная нога» и т. д.; встречаются характеристики знамен другого характера: «знамя Асиково, имя на левой руке ево топором посечено» (т. е. шрам на руке от пореза), «Васька Лахчаков по своей руке знамя приложил — тетерю», «знамя Абаково, имя — что на олене пятно» и др. Знамена хантов отличаются большой близостью к изображенным производственным и бытовым предметам, к явлениям и предметам окружающей действительности.

²⁷ И. Н. Смирнов. Черемисы. Историко-этнографический очерк, Казань, 1889, стр. 188.

²⁸ П. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX века, Йошкар-Ола, 1956, стр. 40—41.

²⁹ А. А. Петров, Указ. раб., стр. 38.

³⁰ Н. Харузин, Указ. раб., стр. 64.

Этого нельзя сказать о марийских знаменах XVII в., которые отличаются по своему начертанию схематичностью, условностью. В рисунке марийских знамен XVII в. преобладают прямые и угловатые линии в самых разнообразных сочетаниях. Знамена марийцев не содержат своей характеристики. По этой причине крайне трудно установить их название.

В последнее время Н. С. Коткова³¹ и Г. Н. Апилогов³² на основе анализа бортовых знамен по данным писцовых и переписных книг по Путивлю и Рыльску конца XVI и XVII в. пришли к выводу о возможности и необходимости использования бортовых знамен при изучении хозяйственной деятельности сельского населения. Ими убедительно доказано значение бортовых знамен как исторического и историко-лингвистического источника, заключающееся в том, что они дают богатый материал о труде и быте отдельных народов, так как основой для возникновения знамен были схематически переданные изображения предметов материальной культуры.

Как было указано, знамена у марийцев в XVII в., как и позже, могли выполнять функции и знаков собственности (например, бортовых знамен) и рукоприкладств. Они, очевидно, как и бортовые знамена, изученные Н. С. Котковой и Г. Н. Апиловым, раскрывают определенные стороны повседневной жизни и быта марийского крестьянства.

Марийцы, рисовавшие знамена, стремились в них условно передать отличительные черты изображаемого предмета окружающего мира. Но значение знамен в настоящее время, из-за отсутствия сопровождавших их описаний, может быть установлено лишь косвенным путем. Нам думается, что в XVII в., очевидно, существовал относительно устойчивый комплекс начертаний и названий бортовых знамен. Об этом, в частности, может свидетельствовать сходство рисунков бортовых знамен жителей Путивльского и Рыльского уездов XVI—XVII вв. и знамен-рукоприкладств марийцев этого же периода. О возможности такого сопоставления и сравнения говорит сходство рисунков и названий путивльских и рыльских бортовых знамен XVI—XVII вв. и марийских знамен XIX в., собранных А. Петровым. Возможно, за два столетия существенных изменений в экономике марийцев не произошло. Не произошли они и в рисунках знамен.

На наш взгляд, названия марийских знамен XVII в. можно установить путем сравнения со знаменами этого же времени других народов (русских, мордвы и др.), известными по работам Н. С. Котковой, Г. Н. Апилова, Н. Харузина, или же с марийскими знаменами позднейшего времени, в частности XIX в. (по материалам А. Петрова).

Такое сравнение обнаруживает удивительное сходство в начертаниях и, следовательно, в названиях русских и марийских «знамен». На основе внимательного изучения сходных русских и марийских знамен можно, очевидно, высказать предположение о существовании у марийцев следующих предметов быта и орудий труда: сохи, лопат, грабель, кос, колес, дуг, топоров, треног, чересла, мотовила, цепа, вил, коромысла, ведер, скобеля, тесла для выдалбливания искусственной борти, багра,

³¹ Н. С. Коткова, Названия русских бортовых знамен — историко-лингвистический источник, «Исследования по лингвистическому источниковедению», М., 1963, стр. 120—133.

³² Г. Н. Апилогов, Бортовые знамена как исторический источник (по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII в.), «Сов. археология», 1964, № 4, стр. 151—159.

лука, стрелы, серпа и т. д. Кстати говоря, в документах конца XVII в. называются следующие орудия производства и предметы быта: соха, сошники, косы, серпы, нож, пила, шандал железный, «потес», лешки, топор, тесло, пазник, «натяг железный», багор, безмен, долото, бурава,

Марийские «знамена» XIX века
(По А.А. Петрову)

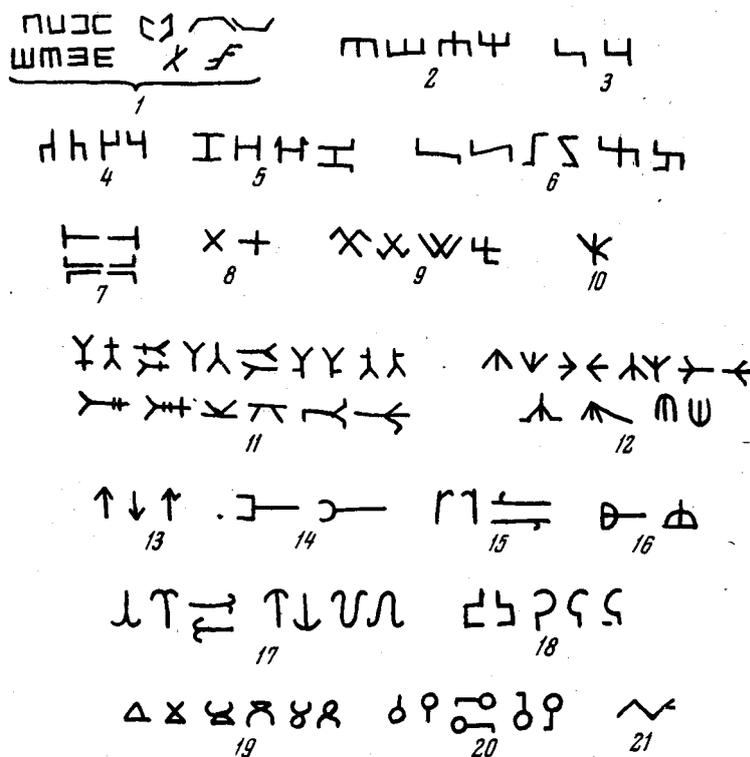

Рис. 4. 1 — скоба, ворота или сошник, 2 — грабли, 3 — чека, 4 — стул, 5 — мотовило, 6 — точильный крюк (?), 7 — молоток, 8 — крест, 9 — цепь, 10 — «четыре кривых пальца», 11 — вилы, вилы с поперечником, длинные кривые вилы, 12 — куриная нога или гусиная лапа, 13 — стрела, 14 — ухват, 15 — багор, 16 — лук со стрелой, 17 — сечка, 18 — серп, 19 — стремя, 20 — кольцо, 21 — змея

струп, скобель, сковорода, заступы, «уши светешные», таган железный, стакан оловянный, тарелки медные, таз медный, бердыш, копьё, седло, узда, сети, невод, волокуша³³. В знаменах марийцев, очевидно, нашли свое отражение схематические изображения определенной части перечисленных предметов и орудий. Часть знамен была связана с флорой и фауной.

Названия других знамен были связаны с человеком, с частями его тела, внешним видом и т. д.

³³ Н. А. Соловьев, Сарайская и Крутицкая епархии, «Чтения в импер. обществе истории и древностей российских при Московском ун-те», М., 1909, кн. 1, стр. 125—140, 259.

Хлебников»³⁴. А знамя Турунки Тинбаева было в виде косого креста с двумя вертикальными чертами³⁵.

Марийские знамена по своему начертанию близки к башкирским, мордовским, чувашским, татарским³⁶. Если у хантов и манси знамена носили сюжетный характер и представляли собой довольно реалистичские рисунки животных, предметов окружающей действительности, то марийские знамена по своему начертанию очень схематичны, условны, упрощены и однообразны в стилистическом отношении. Высшей степени схематизации и условности рисунка достигло, например, знамя в виде трех коротких черточек (горизонтальных или вертикальных), две из которых означают глаза, а третья, расположенная между первыми, несколько ниже — нос. Знамя это известно под названием «шайтанова рожа»³⁷.

Такое знамя встречается у многих народов Поволжья, Урала, Сибири.

Раздвоенная на конце вертикальная черта, пересеченная горизонтальной чертой, по-видимому, представляла человека.

Марийские знамена XVII в. не расшифрованы писцом. В это время на Руси функционировали относительно устойчивые комплексы названий и начертаний знамен. Поэтому с целью расшифровки марийских знамен, на наш взгляд, могут быть использованы русские бортные знамена, известные, в частности, по работам Н. С. Котковой и Н. Г. Анпилогова.

Знамена марийцев XVII в., являясь стилизованными изображениями предметов окружающей действительности, могут быть использованы при изучении хозяйства и быта марийцев в это время.

Изучение марийских знамен XVII в. в историко-этнографическом и лингвистическом аспекте крайне необходимо.

³⁴ Е. Малов, Мироносицкая пустынь Казанской епархии, стр. 107—108.

³⁵ Там же, стр. 106—107.

³⁶ В архивных документах имеется много таких знамен. Например: ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 82, «Сыское дело» о злоупотреблениях свияжского воеводы кн. Е. Мышецкого и дьяка Ф. Ларионова, 1638 (без начала и конца), л. 2—802; «Сыские речи» татар, чувашей и мордвы с их знаменами на л. 672 об.—637 об.: 656 об.—788 об., Сибирский приказ, ст. 106; «Сыское дело» о злоупотреблениях тамбовского воеводы Р. Ф. Боборькина 146—149 гг. (1638—1641), мордовские знамена см. на л. 229—249, 249 и др.

³⁷ Б. Симченко считает, что «шайтанова рожа» представляется знаком, возникшим во времена финно-угорского единства, т. е. в период, когда складывались представления финно-угорских народов о едином божестве; см. Ю. Б. Симченко, Указ. раб., стр. 111.